

14. Riva G. Mind, Cognition and Society in the Internet Age. – Washington: IOS Press, 2001. – 311 p.

15. Siegel J. Group Processes in Computer-Mediated Communication / J. Siegel, S. Kiesler // Behavior and Human Decision Processes. – 1986. – № 37. – P. 157–187.

16. Wenzel A. Group Cognitive Therapy of Addictions / A. Wenzel, A. T. Beck. – New York: Guildford Press, 2012. – 255 p.

Т. В. Милюкова

УДК 159.9

ЭФФЕКТЫ МЕЖГРУППОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО И РУССКОГО ЭТНОСОВ В КРЫМУ

Эффекты межгруппового общения, заключающиеся в разном отношении, разной оценке и отличающихся действиях в отношении своей и чужой групп, называются межгрупповой дифференциацией. В соответствии с направленностью межгрупповую дифференциацию разделяют на два феномена (эффекта) – аутгрупповую дискриминацию и ингрупповую фаворитизм [2]. В обоих эффектах можно выделить когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, связанные, соответственно, с более высокой оценкой представителей ингруппы и приписыванием им более позитивных качеств по срав-

нению с представителями чужих групп, переживанием более позитивных эмоций по отношению к ингруппе, чем к аутгруппе, и различиями в поведении по отношению к членам ингруппы и аутгруппы [8; 10; 11; 12]. В различных ситуациях могут преобладать разные компоненты межгрупповой дифференциации [2].

Факторы проявления межгрупповой дифференциации разделяют на индивидуальные, групповые и ситуационные, а также на когнитивные и ситуативные (социальные) [1; 2]. К индивидуальным относятся такие особенности субъекта, как идентичность, ценности, мотивация, сходство с прототипом, понимание зависимости от своей группы, эмоциональное состояние, предпочитаемые стратегии взаимодействия, неопределенность представления о себе, самооценка, возраст и уровень образования [2]. Когнитивный подход, опираясь на теорию социальной идентичности Г. Теджфела, предполагает, что именно идентичность обуславливает межгрупповую дифференциацию, и в качестве факторов рассматриваются ее сила и выраженность [13].

К групповым факторам дифференциации относят гомогенность ингруппы и аутгруппы, проницаемость границ, сплоченность ингруппы и степень сходства между ингруппой и аутгруппой [2]. Кроме того, в качестве фактора, влияющего на межгрупповую дифференциацию, рассматривают культурно обусловленную склонность к индивидуализму или коллективизму, однако экспериментальные исследования пока не дают однозначного подтверждения этой взаимосвязи [4; 7; 13]. Имеются расхождения и в результатах исследования статуса и размера группы как факторов межгрупповой дифференциации [7; 2; 3]. В исследованиях реальных групп эти два фактора зачастую взаимосвязаны, идентичность у представителей меньшинства, обладающего более низким статусом, сильнее выражена и значима, они более позитивно оценивают свою группу и чувствуют большую связь с ней, чем члены большинства. Связанные с идентичностью предубеждения у групп меньшинства больше направлены на ингруппу,

чем аутгруппу, это в большей мере ингрупповой фаворитизм, чем аутгрупповая дискриминация, тогда как у групп большинства выраженная идентичность связана с обоими аспектами межгрупповой дифференциации [14]. Гомогенность ингруппы и аутгруппы, проницаемость границ, сплоченность ингруппы и подобие между ингруппой и аутгруппой также рассматриваются в качестве групповых факторов межгрупповой дифференциации [2].

В исследованиях межгрупповой дифференциации необходимо учитывать особенности исторического взаимодействия изучаемых групп. История, культура и сложившиеся обстоятельства играют важную роль и в формировании идентичности, и в межгрупповых отношениях [14]. Известно, что неблагоприятные социально-исторические условия могут изменять взаимосвязь позитивной идентичности и аутгрупповой толерантности [5]. В. С. Агеев подчеркивает, что для понимания феномена межгрупповой дифференциации необходимо помимо когнитивных учитывать также детерминанты социального порядка, что подтверждается экспериментальными данными, демонстрирующими способность людей оценивать ситуацию, выходя за рамки фактора группового членства [1]. Особенности реальных взаимоотношений между группами, в частности, возможность или наличие конфликта и ощущение угрозы, являются ситуационными факторами межгрупповой дифференциации. В ситуации конфликта или возможного конфликта, когда члены группы воспринимают угрозу, связь между выраженностью идентичности и эффектами межгрупповой дифференциации сильнее, чем в неугрожающих ситуациях [13]. Также к ситуационным факторам межгрупповой дифференциации относят присутствие членов ингруппы или аутгруппы в ситуации оценки; нормы ингруппы, связанные с идеей равенства, и нормы, предписывающие межгрупповую дифференциацию; реакцию членов аутгруппы на действия представителя своей группы; неопределенность критериев межгруппового сравнения и общую неопределенность; ясность оценок ингруппы и аутгруппы; особенности рас-

пределяемых ресурсов; успех и неудачу ингруппы и свободу выбора группы [2].

Таким образом, когнитивные факторы межгрупповой дифференциации, ее обусловленность категоризацией, идентификацией и межгрупповым сравнением, можно вслед за В. С. Агеевым рассматривать как фон, который всегда присутствует, но не является единственной детерминантой межгрупповой дифференциации. Для понимания происходящих в межгрупповом восприятии процессов необходимо анализировать также и объективно существующие социальные условия, рассматривать целостный комплекс индивидуальных, групповых и ситуационных факторов, определяющий межгрупповую дифференциацию в каждом конкретном случае.

Основной целью данного исследования было изучение феноменов межгрупповой дифференциации у представителей русского и крымско-татарского этносов в Крыму и их связей с такими показателями, как выраженность этнической идентичности, переживание статусной депривации и количество контактов с аутгруппой.

Гипотеза 1. Выраженность межгрупповой дифференциации положительно связана с выраженностью идентичности, переживанием статусной депривации и отрицательно связана с количеством контактов с представителями аутгруппы.

Гипотеза 2. Различия в проявлении межгрупповой дифференциации у представителей крымско-татарского и русского этносов в Крыму обусловлены различиями в выраженности идентичности, переживании статусной депривации и количестве контактов с представителями аутгруппы.

Выборка. Общая выборка исследования (выборка А) состояла из 253 испытуемых различной профессиональной принадлежности и уровня образования, обоих полов, проживающих в Крыму. Часть выборки А (выборка Б), состоявшая из 60 испытуемых, прошла дополнительный опрос. Средний возраст испытуемых 31 год, 34.2 года в крымскотатарской выборке и 29.9 лет в русской, 68% – женщины, 32% – мужчины.

Обработка данных. При математико-статистической обработке результатов исследования применялся корреляционный анализ (коэффициент Спирмена) и непараметрический метод сравнения двух независимых выборок (критерий Манна-Уитни).

Выраженность этнической идентичности. Для измерения этого показателя в выборке А использовалась шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н. М. Лебедева): «В какой степени вы ощущаете себя представителем своего народа?» (Ответы: 1 = совсем не ощущаю, 5 = ощущаю в полной мере) [6]. В выборке Б для измерения выраженности этнической идентичности нами использовалась также методика измерения этнической идентичности Дж. Финни [6]. Примеры вопросов: «Я провел много времени, стараясь узнать как можно больше о своей этнической группе, о ее истории, традициях, обычаях», «Я активен в организациях или социальных группах, которые включают преимущественно членов моей этнической группы» и т. д. (Ответы: 4 = абсолютно согласен, 1 = абсолютно не согласен).

Эффекты дифференциации. Создание анкеты для исследования этих феноменов основывалось на методолого-теоретических представлениях о когнитивных, аффективных и поведенческих компонентах ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дифференциации. Вопросы были разделены на следующие шкалы и показатели:

– когнитивный компонент межгрупповой дифференциации. Примеры вопросов: «Люди моего этноса не лучше людей из другого этноса» (Ответы: 0 = согласен полностью, 4 = полностью не согласен). Также анализировался показатель дифференциации в приписывании успеха своего и чужого этноса внутренним либо внешним факторам, который основывался на разнице показателей относительно своей и чужой групп. Примеры вопросов: «Я считаю, что успех людей из моего этноса больше зависит от их внутренних качеств, чем от случая и везения» (Ответы: 0 = согласен полностью, 4 = полностью не согласен), «Я

считаю, что успех людей из другого этноса больше зависит от их внутренних качеств, чем от случая и везения» (Ответы: 0 = согласен полностью, 4 = полностью не согласен);

– эмоциональный компонент межгрупповой дифференциации. Показатель дифференциации основывается на разнице между отношением к своему и чужому этносам, примеры вопросов: «Каково ваше отношение к людям из вашего этноса?», «Каково ваше отношение к людям из другого этноса?» (Ответы: -3 = негативное, +3 = позитивное);

– поведенческий компонент межгрупповой дифференциации: проанализированы различия в поведенческих установках, в готовности респондентов действовать тем или иным образом, а также то, как они сами видят свое реальное поведение. Рассматривались готовность прийти на помощь представителям своего и чужого этносов, стремление общаться в большей мере с представителями своего, чем чужого этноса, в целом отличие поведения по отношению к ингруппе от поведения по отношению к аутгруппе. Примеры вопросов: «Если я вижу, что у двух людей одинаковые проблемы, то я скорее помогу тому человеку, который принадлежит к моему этносу, чем представителю чужого этноса» (Ответы: 0 = это утверждение неверно, 4 = это утверждение абсолютно верно), «Я стремлюсь общаться больше с людьми из моего, чем из другого этноса» (Ответы: 0 = это утверждение неверно, 4 = это утверждение абсолютно верно).

Социальная желательность. Для измерения социальной желательности применялась шкала лжи, позволяющая определить степень искренности респондента. Максимум по данной шкале составляет 10 баллов, приближение к нему свидетельствует о недостоверности результатов по другим шкалам. Анкеты респондентов, набравших шесть и более баллов, считались недостоверными и в дальнейшем исследовании не использовались. На основании данной шкалы из 300 анкет, изначально составлявших общую выборку, было отсеяно 47, в дальнейшем исследовании использовались анкеты 253 испытуемых. При-

меры вопросов: «Я всегда выслушиваю все спорящие стороны» (Ответы: + = согласен с ответом), «Я всегда прихожу в точно назначенное время» (Ответы: + = согласен с ответом).

Дополнительные параметры: возраст, образование, пол. Для измерения этих параметров использовались соответствующие закрытые и открытые вопросы.

Количество контактов с представителями другого этноса. Для измерения использовались закрытые вопросы о количестве людей из другого этноса, проживающих в районе респондента, и о количестве близких соседей из другого этноса.

Переживание статусной депривации. Для измерения использовалась интегральная шкала, включающая вопросы об ущемлении этноса в религиозных, культурных, языковых и других правах. Примеры вопросов: «Считаете ли Вы, что, в сравнении с другим этносом, ваш этнос ущемлен в правах, касающихся развития культуры» (Ответы: 1 = считаю, 0 = не считаю), «Считаете ли Вы, что, в сравнении с другим этносом, ваш этнос ущемлен в правах, касающихся исповедования религии» (Ответы: 1 = считаю, 0 = не считаю).

Избегание общения с другим этносом. Для измерения использовалась интегральная шкала. Примеры вопросов: «Бывает, что вы избегаете общения с человеком из-за того, что он принадлежит к другому этносу?» (Ответы: 0 = никогда, 4 = очень часто), «Я избегаю общаться с представителями другого этноса» (Ответы: 0 = всегда, 4 = никогда).

Корреляционный анализ показал, что когнитивный компонент дифференциации связан с тремя исследуемыми факторами: выраженностью этнической идентичности ($r = 0,399; p < 0,001$), количеством контактов (количеством близких соседей из другого этноса) ($r = 0,155; p < 0,005$) и переживанием статусной депривации ($r = 0,130; p < 0,005$), сила корреляции в последних двух случаях очень слабая, однако тут и в дальнейшем все же можно говорить о тенденции к положительной взаимосвязи. Различия в объяснении успеха своего и чужого этносов коррелировали при этом только с переживанием статусной де-

привации ($r = 0,130; p < 0,005$). Эмоциональный компонент дифференциации связан с выраженной идентичностью ($r = 0,134; p < 0,005$) и возрастом респондентов ($r = -0,134; p < 0,005$). Показатели готовности помогать скорее представителю своей, чем чужой группы, коррелировали с фактором контакта, с обоими его показателями: количеством людей из другого этноса, живущим в районе респондента ($r = -0,169; p < 0,001$) и с количеством его близких соседей ($r = -0,176; p < 0,001$). Корреляция была обратной, следовательно, респонденты с большим количеством контактов были менее склонны к дифференциации. Также готовность помогать скорее своим, чем чужим, связана с полом респондентов – у женщин в меньшей степени проявлялся этот аспект дифференциации ($r = 0,208; p < 0,001$). Показатели стремления общаться больше с представителями своей, чем чужой группы коррелировали с экспресс-шкалой выраженности этнической идентичности ($r = 0,168; p < 0,001$), с количеством контактов с представителями другого этноса, с обоими его показателями: количеством людей из другого этноса, живущим в районе респондента ($r = -0,200 < 0,001$) и с количеством его близких соседей из другого этноса ($r = -0,158; p < 0,005$) и восприятием своего этноса в качестве большинства ($r = 0,160; p < 0,005$). Ответы на прямой вопрос относительно того, отличается ли поведение респондента по отношению к своему и чужим этносам, коррелировали с переживанием статусной депривации ($r = 0,210; p < 0,001$) и выраженностью идентичности. ($r = 0,295; p < 0,001$) Были выявлены значимые корреляции между всеми тремя компонентами дифференциации ($p < 0,001$).

Показатель переживания статусной депривации связан с большей выраженностью этнической идентичности ($r = 0,345; p < 0,001$). Выраженность этнической идентичности коррелировала также с количеством соседей из другого этноса ($r = 0,132; p < 0,005$). Показатель внешней атрибуции успеха чужой группы коррелировал с такими факторами, как выраженность идентичности ($r = 0,147;$

$p < 0,005$) и переживание статусной депривации ($r = 0,220$; $p < 0,001$), респонденты с более выраженной идентичностью и переживанием статусной депривации чаще приписывали успех аутгруппы случайности, а не личным характеристикам. Показатели выраженности идентичности по методике Дж. Финни и экспресс-шкале выраженности идентичности коррелировали между собой ($r = 0,363$; $p < 0,001$). В статье мы рассматриваем обобщенный результат корреляций показателей по обоим методикам. Избегание общения с представителями другого этноса не связано с выраженностью идентичности, но связано с обоими показателями контакта, с количеством близких соседей ($r = -0,168$; $p < 0,001$) и количеством людей из другого этноса, живущим в районе респондента ($r = -0,238$; $p < 0,001$), связано с когнитивным компонентом дифференциации ($r = 0,190$; $p < 0,001$), эмоциональным компонентом ($r = 0,290$; $p < 0,001$), ощущением статусной депривации ($r = 0,129$; $p < 0,005$).

Критерий Манна-Уитни для независимых выборок подтвердил значимость отличий между выборками русских и крымских татар по показателям: выраженности идентичности по экспресс-шкале (Sig=0,000); выраженности идентичности по методике Дж. Финни (Sig=0,000); готовности помогать скорее представителю своего, чем чужого этноса (Sig=0,002); избегания общения с другими (Sig=0,003); ощущения статусной депривации (Sig=0,000); количества контактов с представителями аутгруппы (Sig=0,000). Также критерий Манна-Уитни подтвердил значимость различий между мужской и женской выборками в готовности помогать скорее представителю своей, чем чужой этнической группы (Sig=0,001).

Критерий Манна-Уитни для независимых выборок не подтвердил значимость отличий между выборками русских и крымских татар по показателям когнитивного и аффективного компонентов дифференциации и восприятия отличий в своем поведении по отношению к ингруппе и аутгруппе.

Результаты исследования показали, что межгрупповая дифференциация у представи-

телей русского и крымскотатарского этносов в Крыму связана с такими показателями, как выраженность этнической идентичности, переживание статусной депривации, количество контактов с представителями другого этноса, возраст и пол респондентов, однако компоненты дифференциации связаны с этими показателями по-разному и при этом коррелируют между собой и представляют целостный комплекс.

Только один из компонентов межгрупповой дифференциации – когнитивный – связан со всем исследуемыми факторами: показателем выраженности идентичности, переживанием статусной депривации и количеством контактов с аутгруппой, с первыми двумя положительно, с последним – отрицательно. Аффективный компонент дифференциации увеличивается с выраженностью этнической идентичности, уменьшается с возрастом респондентов и никак не связан с восприятием статусной депривации и количеством контактов с представителями чужой группы. Относительно готовности к разному поведению по отношению к своей и чужой группе выявлено, что различные ее показатели связаны с разными тенденциями. Так, стремление общаться больше с представителями ингруппы, чем аутгруппы, возрастает с выраженностью идентичности и снижается с количеством контакта с аутгруппой. Готовность помогать своим скорее, чем чужим, уменьшается с возрастанием контакта с представителями аутгруппы и связана с гендером респондентов – женщины менее склонны к дифференциации, чем мужчины. Восприятие отличий между своим поведением по отношению к ингруппе и к аутгруппе связано с выраженностью идентичности и с переживанием статусной депривации. Выявлена положительная корреляция выраженности идентичности и ощущения статусной депривации, тогда как связь количества контактов с представителями чужой группы и выраженности идентичности остается под вопросом.

Существуют значимые различия между этносами по ряду параметров. Выраженность этнической идентичности выше у крымских татар, чем у русских, что согласуется с дан-

ными предыдущих исследований [4; 9]. В выборке русских представлены оба полюса шкалы выраженности идентичности, тогда как у крымских татар полюс невыраженной идентичности представлен значительно меньше, и критерий Манна-Уитни подтвердил значимые различия между группами по этому показателю по обоим методикам. Ощущение статусной депривации также выше у крымских татар, чем у русских, хотя в целом ни один из этносов не ощущал большой ущемленности (средние показатели по шкале от 0 (min) до 7 (max) были 1.25 у русских и 2.48 у крымских татар). Количество контактов с представителями аутгруппы выше у крымских татар по обоим показателям. В проявлении когнитивного компонента между этносами не выявлено значимых различий, возможно, потому, что на него действуют разнонаправленные факторы: выраженность идентичности и переживание статусной депривации усиливают дифференциацию, а количество контактов или какой-то другой связанный с ним фактор, следствием которого является готовность контактировать с аутгруппой – снижает. Не отличаются у этносов и показатели аффективного компонента дифференциации, хотя он связан только с выраженностью идентичности и ожидалась, соответственно, большая его выраженность у крымских татар. Готовность помогать представителям ингруппы скорее, чем представителям аутгруппы связана с количеством контактов с представителями чужого этноса, последний показатель у крымских татар был выше и, соответственно, дифференциация в готовности помогать у них проявлялась в меньшей степени, хотя в целом средние показатели обоих этносов были сдвинуты ближе к полюсу невыраженной дифференциации (по шкале от 0 до 4 среднее для русских 1.45, для крымских татар — 0.96). При том, что стремление общаться скорее с представителями ингруппы, чем аутгруппы, связано положительно с выраженностью идентичности и отрицательно – с количеством контакта с аутгруппой, крымские татары как группа, имеющая больше контактов с аутгруппой, проявляли такую дифференциацию в мень-

шей степени, несмотря на более выраженную идентичность. Аналогичная тенденция наблюдалась относительно общего стремления избегать контактов с аутгруппой, которое также связано с выраженностью идентичности и количеством контакта с аутгруппой и было выше у представителей русского этноса. Что касается восприятия респондентом различий в своем поведении относительно ингруппы и аутгруппы, между этносами не выявлено значимых различий, хотя этот компонент дифференциации связан с выраженностью идентичности и переживанием статусной депривации, которые были выше у крымских татар.

Итак, проявления межгрупповой дифференциации у представителей русского и крымско-татарского этносов в Крыму возрастают с выраженностью идентичности, переживанием статусной депривации и снижаются при увеличении количества контактов с представителями аутгруппы. Выраженность идентичности коррелирует со всеми компонентами дифференциации, а переживание статусной депривации и количество контактов с аутгруппой – только с когнитивным и установочным компонентами. Аффективный компонент связан с возрастом и проявляется больше у молодых респондентов, а различия в готовности помогать представителям своей и чужой группы выше у мужчин, чем у женщин.

Этническая идентичность и переживание статусной депривации сильнее выражены у крымских татар, представители этого этноса также имеют больше контактов с другим этносом. Различия между этносами в проявлении когнитивного и аффективного компонентов дифференциации не обнаружены, но выявлены тенденции к поведенческим различиям на уровне установок. Русские отмечают меньшее количество контактов с представителями аутгруппы и проявляют большую межгрупповую дифференциацию в готовности общаться и помогать. Таким образом, являющаяся более индивидуалистской [4] группа большинства в данном случае проявляет больше межгрупповой дифференциации на уровне установок, чем более коллективист-

ское меньшинство, чьи идентичность и ощущение статусной депривации при этом выше.

АННОТАЦИЯ

Статья содержит описание и результаты исследования эффектов межгрупповой дифференциации у представителей русского и крымско-татарского этносов в Крыму. Рассматриваются такие факторы эффектов межгрупповой дифференциации, как выраженность социальной идентичности, переживание статусной депривации и количество контактов с представителями другой группы.

Ключевые слова: этническая идентичность, эффекты межгруппового восприятия, межгрупповая дифференциация, ингрупповой фаворитизм, аутгрупповая дискриминация, межгрупповые предубеждения.

SUMMARY

The paper contains the description and results of intergroup differentiation effects studies among Russian and Crimean Tatar ethnoses' representatives in Crimea. Social identity salience, feeling of status deprivation and number of contacts with representatives of the other group are considered as factors of intergroup differentiation effects.

Key words: ethnic identity, intergroup perception effects, intergroup differentiation, ingroup favoritism, outgroup discrimination, intergroup bias.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: Издательство Московского университета 1990. – 240 с.

2. Гулевич О. А. Межгрупповая дифференциация: условия возникновения и последствия // Социальная психология: актуальные проблемы исследований: Сборник научных трудов. – М.: Фонд Л. С. Выготского, 2007. – С. 97–142.

3. Гулевич О. А. Психология межгрупповых отношений. – М.: Издательство Юрайт, 2008. – 341 с.

4. Коростелина К. В. Научно-теоретические проблемы изучения социальной идентичности. Выпуск 2. Исследование социальной идентичности на пути к примирению в Крыму. – Симферополь: Доля, 2003.

5. Лебедева Н. М. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко // Психологический журнал. – Т. 24. – 2003. – № 5. – С. 31–45.

6. Татарко А. Н. Методы этнической и кросскультурной психологии. Учебно-методическое пособие / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. – Издательский дом Высшей школы экономики Москва, 2011. – 163 с.

7. Перспективы социальной психологии / Пер с англ. – М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2001. – 688 с.

8. Тейлор Ш. Социальная психология (Мастера психологии) / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс. – СПб.: Питер, 2004. – 767 с.

9. Черный Е. В. Психология моделирования поликультурного образования. Монография. – Симферополь: Сонат, 2010. – 540 с.

10. Abrams D. Comments on the Motivational Status of Self-Esteem in Social Identity and Intergroup Discrimination / D. Abrams, M. A. Hogg // European Journal of Social Psychology. – 1988. – Vol. 18. – P. 317–334.

11. Dovidio J. Intergroup Contact: The Past, Present and the Future / J. Dovidio, S. Gaertner, K. Kawakami // Group Processes & Intergroup Relations. – 2003. – 6(1). – P. 5–21.

12. Hunter J. A. Intergroup Violence and Intergroup Attributions / J. A. Hunter, M. Stringer, R. P. Watson // British Journal of Social Psychology. – 1991. – Vol. 30. – P. 261–266.

13. Lalonde R. N. Testing the Social Identity-Intergroup Differentiation Hypothesis: We're not American eh! // British Journal of Social Psychology. – 2002. – Vol. 41. – P. 611–630.

14. Verkuyten M. J. A. M. The Benefits to Social Psychology of Studying Ethnic Minorities // European Bulletin of Social Psychology. – 2000. – Vol. 42. – P. 5–21.

